

УДК 316.422

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_82

КРИЗИС ВНЕШНЕЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Елена Григорьевна Дьякова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
falcon343@bk.ru

Анна Давидовна Трахтенберг,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
cskiit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Кризис внешней управленческой экспертизы в условиях пандемии COVID-19 // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 82-103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_82

Аннотация

Пандемия COVID-19 резко повысила востребованность внешней управленческой экспертизы, осуществляемой профессионалами, не включенными непосредственно в структуру государственного управления. Произошла массовая кооптация профессионалов в экспертные органы, как уже существовавшие, так и чрезвычайные. Эксперты-профессионалы, успешно выполнявшие прагматическую функцию выработки стратегии и тактики противодействия пандемии, не смогли справиться с функцией

© Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д., 2022

рациональной легитимации решений властей, основанных на предлагаемых ими противоэпидемических мерах. В статье на основе обзора литературы о роли экспертов в борьбе с COVID-19 предлагается модель взаимодействия экспертов, органов власти и гражданского общества в ситуации информационной революции и исчезновения «привратников», контролирующих потоки информации в публичном пространстве. Отмечается, что власти, опасаясь в том числе превращения управленческой экспертизы в политическую, использовали для набора экспертов очень узкий круг медико-технологически ориентированных профессионалов, практически полностью игнорируя «экспертов-мирян», являющихся носителями «здорового смысла» заинтересованных сообществ. Подобный поход к набору экспертов, а также конфликты внутри самой экспертной среды создали предпосылки для роста эпистемологического недоверия к предлагаемым мерам. В условиях информационной революции это привело к формированию слоя контрэкспертов, опирающихся на стигматизированное официальными экспертами знание. Авторы статьи на конкретных примерах рассматривают основные характеристики контрнаучного дискурса (мимикрия под научный дискурс, конспирологический и популистский характер) и делают общий вывод о том, что пандемия COVID-19 привела к усилению тенденций рефлексивной модернизации.

Ключевые слова:

COVID-19, внешняя управленческая экспертиза, рациональная легитимация, эксперты-профессионалы, научная рациональность, научный натурализм, «эксперты-миряне», социальная рациональность, эпистемологическое недоверие, контрэксперты.

UDC 316.422

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_82

THE CRISIS OF POLICY ADVICE IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Elena G. Dyakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
falcon343@bk.ru

Anna D. Trakhtenberg,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
cskiit@yandex.ru

Article received on June 15, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Dyakova, E.G., Trakhtenberg, A.D. (2022). The Crisis of Policy Advice in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Discourse-P*, 19(4), 82-103. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_82

Abstract

The COVID-19 pandemic has sharply increased the demand for policy advice carried out by professionals not directly involved in the structure of public administration. There has been a massive co-optation of professionals into expert bodies, both already existing and emergency ones. Successfully performing the pragmatic function of developing a strategy and tactics to counter the pandemic, professional experts could not cope with the function of rational legitimation of the decisions made by the authorities based on the anti-epidemic measures being proposed. Based on a review of the literature on the role of experts in the fight against COVID-19, the article suggests a model of interaction between experts, authorities, and civil society in the conditions of the information revolution and the disappearance of “gatekeepers” controlling the information flow in the public space. It is noted that the authorities, fearing, among other things, the transformation of policy advice into political advice, used a very narrow circle of medico-technologically oriented professionals to recruit experts, almost completely ignoring lay experts, the “common sense” carriers of the communities concerned. Such an approach to recruiting experts, as well as conflicts within the expert environment itself, created prerequisites for the growth of epistemological distrust of the proposed measures. In the conditions of the information revolution, this has led to the formation of a layer of counter-experts, relying on knowledge stigmatized by official experts. The article using concrete examples discusses the main characteristics of the counter-scientific discourse (mimicking scientific discourse, conspiracy, and populist nature), and concludes that the COVID-19 pandemic has led to an increase in the tendencies of reflexive modernization.

Keywords:

COVID-19, policy advice, rational legitimation, professional experts, scientific rationality, scientific naturalism, lay experts, social rationality, epistemological mistrust, counter-experts.

Введение

Привлечение научных институтов и отдельных их представителей для консультаций при решении управленческих проблем является общемировой практикой. Существует специальный термин *policy advice*, под которым понимается сопровождение внешними экспертами управленческих решений. Эксперты являются носителями специализированного научного знания и называются внешними, поскольку не состоят на государственной службе и не представляют властные институты (в отличие от внутренних экспертов, которые в качестве

носителей специализированного знания непосредственно включены во властную иерархию).

В соответствии с классической схемой Г. Саймона, согласно которой при принятии решений политики ориентируются на интересы и ценности, а сотрудники органов власти (бюрократы) снабжают их фактами (Symon, 1957), от *policy advice* (внешней управленческой экспертизы) отличают *political advice* (внешнюю политическую экспертизу). *Policy advice* предполагает снабжение внешними экспертами органов управления релевантной информацией для того, чтобы они могли самостоятельно принимать эффективные решения в заданных политической системой рамках, в то время как *political advice* включает внешних экспертов в принятие решений, напрямую связанных с распределением властных полномочий и трансформацией политической системы.

В отечественной литературе различие между внешней политической и управленческой экспертизой подробно рассмотрено А. Ю. Сунгуровым в монографии (Сунгуров, 2016) и серии статей (Сунгуров, Карягин, 2017; Сунгуров, 2018; Сунгуров, Шамшура, 2020). Он выделил несколько видов *policy advice*, начиная с «нишевой» экспертизы, когда эксперты как носители знания дают заключения в кратчайший срок, который может соответствовать дням или даже часам, до формирования совещательно-консультативных органов при органах исполнительной власти и независимых исследовательских центрах, обеспечивающих органы власти рекомендациями на постоянной и институционализированной основе.

Внешняя управленческая экспертиза выступает в качестве инструмента для решения ключевой для качества управления проблемы «принципал – агенты», связанной с тем, что нижестоящие агенты (особенно представители низовых органов исполнительной власти, непосредственно контактирующие с гражданами) всегда располагают большей информацией о «ситуации на местах», чем принципалы, и склонны в собственных интересах ограничивать доступ принципалов к этой информации. Внешняя экспертиза создает независимый канал трансляции информации, тем самым повышая эффективность процессов принятия управленческих решений (подробнее см. Дьякова, Трахтенберг, 2019).

Пандемия COVID-19 резко усилила потребность в привлечении внешних экспертов. Она поставила перед органами власти качественно новые задачи, связанные не только с организацией медицинского карантина, прививочной кампании и лечебных мероприятий, но и с символическим управлением страхом смерти (*terror management*) (Pyszczynski et al., 2020).

Кризис, порожденный пандемией, не только носил трансграничный характер, но и отличался неопределенностью при определении соотношения целей и средств и неуверенностью относительно ценностей (Christensen & Læg Reid, 2022). Всем правительствам мира пришлось не только выбирать между несколькими возможными и зачастую противоположными по направленности вариантами рационально обоснованных противоэпидемиологических стратегий (от китайской стратегии «нулевой терпимости» до шведской концепции достижения стихийного коллективного иммунитета), но и маневрировать между снижением нагрузки на систему здравоохранения и помощью социально незащищенным группам населения, сохранением экономики и борьбой с безработицей и т. д.

Внешние эксперты были призваны содействовать принятию верных управленческих решений в условиях неопределенности, проясняя эту неопределенность за счет знания объективной истины (того, как обстоят дела на самом деле) и действуя в интересах общества в целом, а не отдельных его групп. Одновременно внешние эксперты должны были выполнять и вторую, символическую функцию – рациональной легитимации управленческих решений и всей системы управления, повышая доверие граждан к власти. Таким образом в ситуации неопределенности и риска внешняя управленческая экспертиза должна была содействовать принятию одновременно хорошо обоснованных и позитивно воспринимаемых гражданами решений (Boswell, 2009), выступая в том числе в качестве инструмента управления страхом смерти, или «управления ужасом».

Однако первоначально среди экспертов-профессионалов отсутствовало единство по вопросу, каким образом следует бороться с пандемией COVID-19. По мере углубления понимания природы вируса они постепенно приходили к консенсусу, что позволяло им все более эффективно выполнять функцию по выработке научно обоснованных рекомендаций по системе антиэпидемиологических мер. Однако применительно ко второй функции – рациональной легитимации властных решений, основанных на этих рекомендациях, о высокой эффективности «управления ужасом» говорить было сложно. В этом, безусловно, сыграли свою роль разногласия между экспертами на первом этапе пандемии. И хотя им удалось их преодолеть, степень доверия граждан статусным экспертам зачастую была ниже, чем степень доверия практикующим врачам, а доверие личному опыту и конкретному человеку было выше, чем доверие институтам здравоохранения (применительно к ситуации в России см. исследование, проведенное Социологическим антикризисным центром¹). Более того, предложенные экспертами меры вызвали во многих странах мира волны протестов и породили антикарантинную и антипрививочную идеологию. Эта идеология опиралась и продолжает опираться на альтернативных внешних экспертов (контрэкспертов), противопоставляющих себя «официальным» экспертам как необъективным и ангажированным, в крайних формах – даже состоящим в заговоре в интересах фармакологических компаний или «глубинного государства».

Таким образом, из-за пандемии COVID-19 произошло одновременное усиление прагматической функции внешней управленческой экспертизы и ослабление ее легитимирующей функции. В настоящей статье мы, опираясь на теорию рефлексивной модернизации У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша (Beck, 1992; Beck et al., 1994), а также на модель стигматизированного знания М. Баркуна (Barkun, 2013), проанализируем, как стали возможны эти два противоположных по направленности процесса и попытаемся создать модель взаимодействия экспертов, органов власти и гражданского общества в условиях информационной революции, радикально реконфигурирующей публичное пространство и формирующей новых лидеров мнений с одновременной утратой традиционными институтами коммуникации функции «привратников», регулирующих доступ к жизненно важной информации.

¹ Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка № 6 (2020).

Взято 10 июня 2022, с <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/04/soc-antikrizisnyy-centr-svodka-6.pdf>

Демократизация внешней экспертизы как проявление рефлексивной модернизации

При определении, кого следует считать экспертом-профессионалом, в литературе принято ссылаться на Э. Голдмана, который полагал, что такой эксперт должен отвечать двум основным требованиям: обладать обширными знаниями в требуемой области и уметь применять их для оценки ситуации и рационального предвидения возможных последствий тех или иных решений. Эксперт-профессионал претендует на знание правильных ответов на обсуждаемые вопросы, поскольку опирается на свои знания и методы применения этих знаний для решения конкретных проблем (Goldman, 2001). В основе эпистемологического авторитета экспертов-профессионалов лежит научный натурализм, в рамках которого в качестве источника достоверного знания могут выступать только эмпирические, intersubjectively воспроизводимые и могущие быть опровергнутыми результаты исследования. Все остальные виды знания рассматриваются либо как нелегитимные, либо как редуцируемые к научному знанию (De Caro & Macarthur, 2010).

Нетрудно заметить, что данный подход находится целиком в рамках Модерна. В нем воспроизводятся требования к агентам, характерные для науки как социального института: внешним экспертом может быть только профессионал, чья компетентность, мотивация, опыт работы и репутация, как и отсутствие личной заинтересованности в принятии того или иного управленческого решения, могут быть удостоверены другими членами научного сообщества, и никем иным (Lavazza & Farina, 2020). Объективность и беспристрастность экспертов-профессионалов противопоставляются как основанному на социальной рациональности («здравом смысле») суждению рядовых граждан, так и позиции сотрудников органов власти, которые в политических и/или корпоративных интересах склонны исказить реальное положение вещей, чтобы успешнее отчитаться перед начальством и/или гражданами.

Однако по мере того, как выгоды от научно-технического прогресса все больше перекрывались накоплением рисков, позиция экспертов-профессионалов стала все сильнее подвергаться сомнению. Начиная с 1960-х гг. резко усиливается критика сциентизации политики и начинается демократизация экспертизы, в рамках которой происходит переход от легитимации через знание к легитимации через соучастие (Maasen & Weingart, 2005). Наряду с экспертами-профессионалами появляются «эксперты-миряне», которые «располагают аналитическими навыками, основанными на практике и опыте» (Jasanoff, 2005), т. е. ориентируются не на специализированное знание, а на непосредственный опыт проживания той или иной социальной ситуации. Такие эксперты являются носителями социальной рациональности, т. е. коллективно выработанных тактик более или менее успешного решения социальных проблем, никак не фундированных с точки зрения специализированного знания. Иными словами, востребованным оказывается не только мнение врачей (экспертов-профессионалов), но и их пациентов, взгляд которых на врачебные процедуры, как и оценка их эффективности, может существенно отличаться от институционально одобряемого.

Процесс легитимации «экспертов-мирян» занял значительное время (подробнее см. Дьякова, 2019), но в результате появился новый тип экспертных

рекомендаций, основанный не на научно удостоверенном знании, а на делиберативном процессе, направленном на поиск компромисса, в рамках которого научная и социальная рациональность теоретически были уравнены в правах. Соответственно, результатом экспертизы стали считать социально конструируемое на основе взаимодействия разных типов экспертов ценностное знание (Krick, 2015). На практике эксперты-профессионалы сохранили заметно больший вес и влияние, чем «эксперты-миряне», однако им стали регулярно напоминать о необходимости признать ценностный характер своей деятельности (Carrier, 2022), а также о необходимости «эпистемологического смирения» (Ho, 2011).

Демократизацию экспертизы и институционализацию внешних «экспертов-мирян» можно рассматривать как одно из проявлений рефлексивной модернизации. По мнению авторов данной теории – У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша, чем больше обществ модернизируются, тем больше агентов приобретают способность размышлять о социальных условиях своего существования и, соответственно, изменять их. Результатом становится знание в различных формах – научное, опытное, повседневное (Beck et al., 1994). Как подчеркивает У. Бек, рефлексивная модернизация связана с появлением «невидимых рисков», которые целиком основываются на казуальных интерпретациях и открыты для переопределения и дискуссий, причем подобные дискуссии идут на нормативном горизонте утраченной уверенности и нарушенного доверия к существующим институтам. Следствием становится разрушение монополии науки на рациональность и, следовательно, на экспертизу. У. Бек вводит понятия «контрэкспертиза» и «антиэксперты», подчеркивая, что речь идет о конкурирующих, конфликтных и борющихся за влияние претензиях на истину.

Пандемия COVID-19 также может быть включена в категорию «невидимых рисков». Постоянное присутствие невидимой, но оттого еще более пугающей смертельной опасности привело к обострению конфликта между экспертизой и контрэкспертизой, вплоть до его политизации.

COVID-19 и внешняя управленческая экспертиза: «месть экспертов»?

Роли внешних экспертов в борьбе с пандемией COVID-19 посвящена целая серия работ, написанных на материале самых разных стран (Лукашик-Турецка, 2021; Atlani-Duault et al., 2020; Bækgaard et al., 2020; Badora-Musiał & Dusza, 2020; Brooks-Pollock et al., 2021; Bruat et al., 2022; Camporesi et al., 2022; Gesser-Edelsburg et al., 2021; Nadareishvili et al., 2022; Pierre, 2020), а также ряд обобщающих статей (Lavazza & Farina, 2020; Christensen & Lægreid, 2022; Eichengreen et al., 2021; Esmark, 2021; Lasco, 2020; Mazzochi, 2021; Pietrini et al., 2022). К сожалению, отечественные авторы пока уделяют данной теме недостаточное внимание (несмотря на то, что в ходе пандемии рекомендациям внешних экспертов подвергались резкой критике в российском общественном мнении). Они в основном концентрируются вокруг проблемы доверия экспертам, исключая более широкий институциональный и культурный контекст (см., например, Беспалова, Вялых, 2022; Макушева, Нестик, 2020; Федотова, 2021).

Как показали проведенные исследования, пандемия резко повысила востребованность экспертов-профессионалов в сфере здравоохранения. Она вы-

росла одновременно по обоим основным параметрам: выработка рекомендаций по борьбе с COVID-19 и легитимация принятых органами власти мер, доказывающая, что ситуация полностью находится под контролем. В институциональном плане это выразилось в резкой активизации работы уже существующих консультативных органов и активном формировании новых «чрезвычайных» органов, специализированных для противодействия пандемии, расширении и углублении контактов экспертов-профессионалов с теми, кто принимает решения.

Одновременно резко возросло присутствие наиболее влиятельных (и/или телегеничных) экспертов в информационном пространстве, причем не только с научно обоснованными рекомендациями, но и со статистическими данными о ходе пандемии, моделями и прогнозами распространения COVID-19. Научный дискурс и научная рациональность в буквальном смысле «пришли в каждый дом». В результате исследователи заговорили о «мести экспертов» (Eichengreen et al., 2021), которым наконец-то удалось вернуть себе монопольное положение в сфере внешней управленческой экспертизы.

Можно было бы говорить о торжестве научного натурализма и «медико-технологической парадигмы» (Rajan & Koch, 2020) в сфере внешней управленческой экспертизы, если бы речь шла не о новом, слабоизученном заболевании, меры противодействия распространению и протоколы лечения которого выработывались непосредственно в ходе пандемии. В результате эксперты не могли прийти к единой точке зрения и зачастую конкурировали между собой, предлагая органам власти на выбор сразу несколько научно обоснованных стратегий противоэпидемических мер. Это могло приводить к резким поворотам в государственной политике. Так, в Великобритании на первом этапе пандемии была избрана стратегия достижения коллективного иммунитета, поскольку считалось, что англичане (в отличие, например, от китайцев) просто не потерпят ограничения личных свобод². Однако в марте 2020 г. группа исследователей из Имперского колледжа Лондона опубликовала аналитический доклад³, в котором была рассчитана смертность при реализации данной политики (в маловероятных условиях полного отсутствия карантинных мер и сохранения доковидных моделей поведения). В соответствии с прогнозом она могла превысить полмиллиона человек. В результате правительство Великобритании стремительно поменяло стратегию, перейдя к жесткой ограничительной политике и обвинив экспертов Научной консультативной группы по чрезвычайным ситуациям (The Scientific Advisory Group for Emergencies) в том, что те давали «неправильные советы»⁴. «Имперская модель» была впоследствии подвергнута критике (Cooper et al.,

² Horton, R. (2020, February 18). *Scientists have been sounding the alarm on coronavirus for months. Why did Britain fail to act?* Retrieved June 10, 2022, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/18/coronavirus-uk-expert-advice-wrong>

³ *Report 9 – Impact of non-pharmaceutical interventions (NPIs) to reduce COVID-19 mortality and healthcare demand* (2020, March 16). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.imperial.ac.uk/mrc-global-infectious-disease-analysis/covid-19/report-9-impact-of-npis-on-covid-19/>

⁴ Colson, T. (2020, May 19). *The UK government blames its own scientists for giving it the ‘wrong’ advice on tackling the coronavirus.* Retrieved June 10, 2022, from <https://www.businessinsider.com/coronavirus-uk-blames-scientists-for-wrong-advice-on-pandemic-2020-5>

2021) представителями научного сообщества. Как и можно было предполагать, эта критика была использована контрэкспертами для обоснования того, что власти и официальное здравоохранение скрывают и искажают правду о пандемии. Особо следует подчеркнуть, что политическое решение было основано не на предложенных экспертами профессионалами медико-технологических соображениях, а на чисто ценностных (недопустимости достижения блага для всего общества за счет самых слабых его членов).

Правительства других стран мира, возможно, не совершали столь радикальных поворотов, однако и для них были характерны колебания и метания, поскольку, особенно в начале пандемии, решения приходилось принимать в условиях цейтнота, а карантинные меры вынужденно носили упреждающий характер. Реальная эффективность рекомендованных экспертами мер впоследствии могла оказаться крайне низкой. Например, так произошло с рекомендациями по дезинфекции поверхностей. Было доказано, что риск заражения COVID-19 при контакте с зараженной поверхностью минимален (1 на 100 тыс. случаев) (Xin et al., 2022), однако на первом этапе меры по дезинфекции усиленно рекомендовались экспертами во всех странах мира и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ).

Практически всегда профессиональные группы, из которых кооптировались в совещательные органы эксперты-профессионалы, были ориентированы медико-технологически. В таких органах, как постоянных, так и чрезвычайных, доминировали эпидемиологи, вирусологи, медицинские статистики и специалисты по лечению легочных заболеваний. Практически не привлекались эксперты по психологии, педиатрии, гериатрии, хроническим заболеваниям и профилактической медицине. Можно предположить, что это было связано с опасениями властей, что их привлечение превратит управленческую экспертизу в политическую, резко увеличив объем рекомендаций, основанных не на технологиях, а на ценностях.

Что касается «экспертов-мирян», то их озабоченности, связанные с влиянием предлагаемых мер на качество жизни, права человека и человеческое достоинство, как правило, игнорировались: практически нигде не было создано никаких институализированных структур, обеспечивающих взаимодействие органов власти и гражданского общества. Д. Раджан и К. Кох в качестве редкого позитивного образца привели Таиланд (Rajan & Koch, 2020), однако данный пример вызывает определенные сомнения. Отсутствие взаимодействия с «экспертами-мирянами» вызвало протесты, дошедшие до такого влиятельного медицинского журнала, как «Ланцет» (Brocard et al, 2021; Atlani-Dualt et al., 2020). Сторонники «демократии здоровья» резко критиковали ситуацию, когда «правительство указывает сообществам, что они должны делать, при минимальной обратной связи с этими сообществами» (Marston et al., 2020).

Опора на узкий круг ориентированных медико-технологически экспертов при игнорировании более широкого круга специалистов и «экспертов-мирян» создала предпосылки для усиления тенденций рефлексивной модернизации. Но поскольку в условиях такой модернизации кризис научного авторитета сочетается с «солидным фоном веры в науку» (Beck, 1992), борьба научной и социальной рациональности за право суверенного суждения о том, как определять пандемию COVID-19, приняла форму борьбы научного и контрнаучного дискур-

са. Последний целенаправленно мимикрировал под своего соперника, используя характерные для науки как социального института дискурсивные практики: ссылки на научные авторитеты, статистические выкладки, модели и прогнозы.

COVID-19 и распространение стигматизированного знания: «месть мирян»?

Пандемия привела к росту не только востребованности внешней управленческой экспертизы, но и ее «видимости» для общества. В этих условиях типичные для институтов науки процессы накопления и развития системы эмпирических знаний, на основе которых вырабатываются практические рекомендации, стали восприниматься как проявления недостаточной компетентности и даже политической ангажированности.

Характерно, что доверие к официально привлеченным экспертам и официально признанной науке в ходе пандемии COVID-19 проявляло устойчивую тенденцию к снижению. Так, по данным американского исследовательского центра Пью (Pew Research Center), доля американцев, которые заявляли, что вообще не испытывают доверия к ученым, в том числе к ученым-медикам, повысилась с 13% в январе 2019 г. до 22% в декабре 2021 г.⁵ Ту же тенденцию отмечали и российские социологи: по данным ВЦИОМ, с 2010 по 2020 гг. показатель недоверия ученым вырос в 2,5 раза, с 8 до 16%, в то время как показатель абсолютного доверия снизился с 28 до 12%⁶.

Однако при анализе «мести мирян» следует учитывать, что сторонники контрнаучного дискурса ни в коей мере не считали себя обскурантами. Наоборот, они воспринимали себя как борцов за научную истину, которую искажает и предает официальная наука, отождествляя социальную и научную рациональность. Это происходило не просто за счет тенденциозного подбора и интерпретации фактов (или того, что носители контрнаучного дискурса соглашались считать фактами), но и за счет отождествления следствия и цели. Как известно, следствием пандемии COVID-19 стала массовая прививочная кампания и разнообразные формы цифрового контроля за гражданами. С точки зрения носителей контрнаучного дискурса, это следствие и было изначальной целью организаторов пандемии (в роли которых выступали самые разнообразные субъекты, включая представителей научного истеблишмента). Таким образом, контрнаучный дискурс одновременно выступал как дискурс конспирологический, направленный на разоблачение подлинных виновников медицинской и социальной катастрофы.

На то, что контрнаучный дискурс может принимать формы, подражающие дискурсу научному, впервые обратил внимание в 1960-е гг. Р. Хофстедтер в классическом эссе «Параноидальный стиль в американской политике». Он не без

⁵ *Americans' trust in scientists, other groups declines. Report* (2022, February 15). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.pewresearch.org/science/2022/02/15/americans-trust-in-scientists-other-groups-declines/>

⁶ *Наука и ученые на фоне пандемии: кризис общественного доверия? Аналитический обзор ВЦИОМ* (2020, 20 июля). Взято 10 июня 2022, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya>

удивления отметил, что для «параноидальной (конспирологической. – Е.Д., А.Т.) литературы» характерны: «почти трогательная забота об эмпирических доказательствах», «героическое стремление опираться на факты для того, чтобы доказать, что верить можно только в невероятное», использование научных техник для обоснования своей правоты (Hofstadter, 1964).

Опираясь на это наблюдение Р. Хофстадтера, М. Баркун предложил дополнить оппозицию научного и контрнаучного дискурса оппозицией институционально утвержденного и стигматизированного знания (Bargun, 2013). Науке как социальному институту противостоит знание, носители которого считают его истинным, несмотря на то, что институты науки его не признают. Стигматизация позволяет объяснить отсутствие признания со стороны официальных институтов сознательным стремлением скрывать от граждан правду. Соответственно, сам факт стигматизации становится доказательством истинности знания: будь оно ложным, его бы не преследовали и не отрицали. На этой основе формируется общность тех, кто знает правду, противопоставляющая себя тем, кто правду скрывает.

Отрицая официальную науку, носители стигматизированного знания тем не менее с энтузиазмом под нее мимикрируют, прежде всего, путем использования научной традиции создания библиографий и формирования системы перекрестных ссылок. В рамках стигматизированного знания «авторы любезно цитируют друг друга, поскольку в результате один и тот же текст воспроизводится все снова и снова, что создает эффект псевдоподтверждения» (Bargun, 2013). Основным приемом при этом является «наивная критика источников», направленная на то, чтобы отделить их от профессиональной и по определению искаженной интерпретации, так что в контрнаучный дискурс вплетается «мистический компонент с конспирологическими обертонами» (Кормина, 2015).

Как, например, выглядит контрнаучное обоснование опасности мобильной связи пятого поколения, на которую была возложена вина за распространение коронавируса, что в свою очередь спровоцировало волну нападений на вышки 5G (или то, что нападавшие считали таковыми⁷)? Текст рассуждения взят из социальной сети *Reddit* в качестве типичного примера наивной критики источников в рамках контрнаучного дискурса⁸.

Оказывается, что частоты 5G заставляют молекулы кислорода колебаться с частотой 60 млрд Герц в секунду, из-за чего они не могут связаться с гемоглобином в крови человека, что приводит к гипоксии (т.е. симптомам коронавируса). Приводится поясняющий бытовой пример: вышки 5G действуют по принципу микроволновой печи (предмета повседневного и привычного в пользовании). Только в микроволновой печи с частотой 2,45 млрд Герц в се-

⁷ Щербakov, А. (2020, 3 мая). *В России сожгли первую телефонную вышку. Люди боятся внедрения 5G*. Взято 10 июня 2022, с https://hi-tech.mail.ru/news/v_rossii_sojgli_pervuy_vishku/; Chan, K., Dupuy, B., & Lajka, A. (2020, February 21). *Conspiracy theorists burn 5G towers claiming link to virus*. Retrieved June 10, 2022, from <https://apnews.com/article/4ac3679b6f39e8bd2561c1c8eeafd855>

⁸ *The 5g coronavirus connection explained* (2020, March 4). Retrieved June 10, 2022, from https://www.reddit.com/r/conspiracyNOPOL/comments/fd2qdd/the_5g_coronavirus_connection_explained/

кунду колеблются молекулы воды, и их трение разогревает еду. Это позволяет перейти к утверждению, что «теперь, когда мы понимаем, как работает микроволновка, мы можем использовать этот пример для того, чтобы объяснить, что происходит с молекулами кислорода, когда они подвергаются воздействию сигнала 5G». К объяснительной схеме прилагается подтверждающий эмпирический факт: в китайском Ухане (и еще в нескольких китайских городах), где началась пандемия, осенью 2019 г. как раз проводили тестирование 5G-сетей.

Хотя ВОЗ за несколько дней до появления поста посвятила особую страницу на своем сайте разъяснению полной безопасности излучения вышек 5G для человека⁹, носители контрнаучного дискурса его полностью проигнорировали, поскольку принципиально не доверяют любым объяснениям, исходящим от институтов с признанным экспертным и научным авторитетом (включая, разумеется, ВОЗ). Контрнаучное объяснение, сохраняя видимость научности, не предъявляет излишних требований к естественнонаучной компетенции читателя. Ему достаточно знать, что его организм состоит из молекул, которые могут попасть под невидимое, и оттого еще более опасное, внешнее влияние. Объяснение призвано побудить к действиям: как минимум, предупредить других людей об опасности, как максимум, уничтожить источники опасного воздействия.

В рамках контрнаучного дискурса функционируют собственные влиятельные контрэксперты, а официальные эксперты-профессионалы последовательно делегитимизируются и демонизируются. Именно так произошло с Э. Фаучи, главным медицинским советником президента США, директором Национального института аллергии и инфекционных заболеваний. В глазах контрэкспертов он стал ключевым агентом транснациональных фармакологических компаний (Big Pharma), стремящихся обеспечить себе максимальную прибыль за счет здоровья граждан, а также сообщником Б. Гейтса по созданию нового мирового порядка путем чипирования граждан под видом противокоронавирусных прививок. По мнению контрэкспертов, Э. Фаучи многократно преувеличивал опасность COVID-19 и, опираясь на фальсифицированные результаты исследований, побуждал власти к введению мер, ограничивающих свободу граждан и усиливающих контроль за их повседневной жизнью.

Главным контрэкспертом в данном случае стал представитель элиты – Р. Ф. Кеннеди-младший, сын сенатора Р. Кеннеди и племянник президента Дж. Кеннеди, посвятивший разоблачению Э. Фаучи целую книгу (Kennedy, 2021). Она представляет собой типичный образец контрнаучного дискурса, пестрит ссылками на членов медицинского сообщества, выступавших против официальной версии пандемии. Само собой разумеется, что они делали это «во имя преданности пациентам и подлинным научным исследованиям». Список медиков, которым автор выражает благодарность в конце книги, включает 46 специалистов, при этом он ссылается еще на тысячи менее известных профессионалов, которые решились рискнуть всем, противостоя официальной экспертам. Почетное место в списке занимает Л. Монтанье – нобелевский лау-

⁹ *Radiation: 5G mobile networks and health* (2020, February 27). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.who.int/news-room/q-a-detail/radiation-5g-mobile-networks-and-health>

реат, один из первооткрывателей вируса иммунодефицита человека, сторонник теории лабораторного происхождения COVID-19 (и гомеопатии), который сравнил Э. Фаучи с Й. Геббельсом (сам Р. Ф. Кеннеди не так давно сравнил его с Й. Менгеле¹⁰). Критика научного истеблишмента в контрнаучной экспертизе вполне сочетается со стремлением использовать его авторитет в собственных интересах. Книга завершается заявлением о том, что «мы больше не можем «доверять экспертам» или следовать их искаженной версии науки» (Kennedy, 2021). Разоблачение официального эксперта имело и имеет несомненный успех: «Настоящий Энтони Фаучи» на момент написания статьи продолжал занимать первое место в рейтингах разделов «Вирусология» и «Биографии ученых» на платформе *Amazon*, причем особо подчеркивалось, что уже «продано свыше миллиона экземпляров несмотря на цензуру, бойкоты книжных магазинов и библиотек и нападки на автора»¹¹.

Это стало возможно благодаря тому, что с массовым распространением социальных сетей между потребителями информации и ее производителями больше не стоят институционализированные посредники-«привратники». В результате различие между маргинальными и общепризнанными источниками информации размывается. Носители маргинальных взглядов получают возможность не только обмениваться информацией, формируя «информационные пузыри», но и широко ее распространять. На помощь им приходят сами социальные сети, алгоритмы которых настроены таким образом, что происходит «взаимоопыление» пользователей, так что, заинтересовавшись той или иной маргинальной конструкцией, пользователь попадает в систему перекрестных ссылок, из которой уже не может выбраться¹². Не случайно в современной социологии принято сравнение социальных сетей с «кроличьей норой», в которую попала любопытная Алиса и из которой она смогла выбраться, только осознав, что ее окружают сконструированные образы-фейки.

Когда в условиях пандемии COVID-19 смертельная невидимая опасность стала угрожать всем и каждому, маргинальные группы носителей стигматизированного конспирологического знания начали привлекать все больше последователей и сливаться друг с другом, что привело к резкому расширению зоны эпистемологического недоверия, в которой право признанных авторитетов на монополию на истину не признается принципиально. В результате и возникла ситуация, когда официальные эксперты, успешно выполняя прагматическую функцию, с явным трудом выполняли функцию рациональной легитимации, а их научные аргументы в глазах массовой аудитории не могли выдержать контрнаучной критики.

¹⁰ Nyquist, J.R. (2022, January 4). *An American Mengele: Robert Kennedy on Anthony Fauci*. Retrieved June 10, 2022, from <https://jrnyquist.blog/2022/01/04/an-american-mengele-robert-kennedy-on-anthony-fauci/>

¹¹ *The real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the global war on democracy and public health* (2021, November 16). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.amazon.com/Real-Anthony-Fauci-Democracy-Childrens/dp/1510766804>

¹² Thomas, E. (2021). *Recommended reading: Amazon's algorithms, conspiracy theories and extremist literature*. Retrieved June 10, 2022, from <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/04/Amazon-1.pdf>

Заключение

Демократизация экспертизы не выдержала испытания пандемией. В чрезвычайном положении власти большинства стран мира предпочли кооптацию узкопрофильных экспертов-профессионалов созданию коалиции экспертов-профессионалов и «экспертов-мирян». В результате борьба с COVID-19 стала носить медико-технологический характер. Однако сциентизация политики не означала, что эксперты стали принимать решения за носителей власти. Внешняя экспертиза в условиях пандемии позиционировалась как строго управленческая, хотя серая зона между управленческой и политической экспертизой не только расширилась, но и стала лучше видна ввиду возрастания публичности экспертной деятельности. Эксперты, функционировавшие в серой зоне, такие как Э. Фаучи, превратились в объект резкой критики контрэкспертов, в свою очередь позиционировавших себя как защитников интересов масс. Контрэкспертиза приобрела отчетливую популистскую окраску и спровоцировала формирование политизированной зоны эпистемологического недоверия, в которой граждане не верят не только тому, что говорят конкретные эксперты, но и не доверяют науке как социальному институту, как и другим социальным и политическим институтам, тем более что, опираясь на стигматизированное знание, можно описать любую угрозу, с которой борются официальные институты, как ложную, одновременно обвиняя элиты в том, что они недостаточно противодействуют настоящим угрозам.

Это происходило тогда, когда органы власти особенно нуждались в активном участии в граждан в реализации антиковидных мер. В результате чем больше представители власти, с целью обосновать легитимность своих действий и доказать их эффективность, опирались на научное и экспертное сообщество, тем более сильным оказывалось контрэкспертное сопротивление.

Вопрос о том, каким образом эффективно работать со стигматизированным знанием и порождаемым им эпистемологическим недоверием, в настоящее время активно обсуждается. Наряду с призывами к «эпистемологическому смирению» и осознанию ограниченности научного натурализма раздаются призывы вернуться к эпистемологическому патернализму (Ahlstrom-Vij, 2013) и «запечатать ворота постправды» (Kienhues, 2020). В то же время опыт 2019–2021 гг. показал крайнюю сложность и неэффективность процессов переубеждения сторонников разнообразных контрнаучных конструкций. Рефлексивная модернизация оказалась более мощным и одновременно более противоречивым процессом, чем ожидали авторы теории.

Список литературы

1. Беспалова, А. А., Вялых, Н. А. (2022). Доверие к науке и системе здравоохранения в период пандемии COVID-19: взаимосвязь и новые вызовы. В М. Ю. Сурмач (Ред.), *Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении: Сборник статей международной научно-практической конференции* (с. 19–23). Гродно: ГрГМУ.
2. Дьякова, Е. Г. (2019). «Честная сбалансированность» или

самостоятельность: проблематизация дискурса совещательно-консультативных органов в отечественной и американской административных традициях. *Вестник Томского государственного университета*, (438), 97–107. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/13>

3. Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. (2019). Роль совещательно-консультативных органов в борьбе с коррупцией: американская и российская административные традиции. В В. Н. Руденко (Ред.), *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции* (с. 689–705). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН.

4. Кормина, Ж. В. (2015). Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России. *Антропологический форум*, (27), 149–175.

5. Лукасик-Турецка, А. (2021). Медицинские эксперты как новые участники политической коммуникации в Европе во время пандемии COVID-19 на примере Польши и Латвии. *Wshodni Rocznik Humanistyczny*, 18(4), 123–132. <https://doi.org/10.36121/aturecka.18.2021.4.123>

6. Макушева, М. О., Нестик, Т. А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (6), 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>

7. Сунгуров, А. Ю. (2016). *Экспертное сообщество и власть*. СПб.: Алейтейя.

8. Сунгуров, А. Ю. (2018). Экспертное сообщество и власть: Модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности. *Полис*, (4), 130–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>

9. Сунгуров, А. Ю., Карягин, М. Е. (2017). Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия. *Полис*, (3), 144–159. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>

10. Сунгуров, А. Ю., Шамшура, К. А. (2020). Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России. *Политическая наука*, (1), 64–86. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>

11. Федотова, Г. В. (2021). Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия. *Знание. Понимание. Умение*, (4), 111–125. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2021.4.9>

12. Ahlstrom-Vij, K. (2013). *Epistemic paternalism. A defence*. London: Palgrave Macmillan.

13. Atlani-Duault, L., Chauvin, F., Bruno, L., Banamouzig, D., Bouadma, L., Druais, P. L., Hoang, A., Grard, M.-A., Malvy, D., & Delfraissy, J. (2020). France's COVID-19 response: balancing conflicting public health traditions. *Lancet*, 396(10246), 219–221. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31599-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31599-3)

14. Badora-Musiał, K., & Dusza, D. (2020). Politycy i eksperci – Polska i USA w obliczu pandemii COVID – 1. *Medicine Zdrowie Publiczne i Zarządzanie*, 18(3), 202–221. <https://doi.org/10.4467/20842627OZ.20.022.14139/>

15. Bækgaard, M., Blom-Hansen, J., & Serritszlev, S. (2020). How politicians see their relationship with top bureaucrats: Revisiting classical images. *Governance*, 35(1), 5–24. <https://doi.org/10.1111/gove.12558>

16. Barkun, M. A. (2013). *Culture of conspiracy: Apocalyptic visions in contemporary America*. Los Angeles: University of California Press.
17. Beck, U. (1992). *Risk society. Towards a new modernity*. London: Sage.
18. Beck, U., Giddens, A., & Lash, S. (1994). *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford: Stanford University Press.
19. Boswell, C. (2009). Knowledge, legitimation and the politics of risk: The functions of research in public debates on migration. *Political Studies*, 57(1), 165–186. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00729.x>
20. Brocard, E., Melihan-Cheinin, P., & Rusch, E. (2021). Health democracy in the time of COVID-19: A Perspective from France. *Lancet*, 6(4). [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(21\)00053-0](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(21)00053-0)
21. Brooks-Pollock, E., Danon, L., Jombart, T., & Pellis, L. (2021). Modelling that shaped the early COVID-19 pandemic response in the UK. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Biological sciences*, 376(1829), 1–8. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0001>
22. Bruat, C., Monnet, E., Azanowsky, J.-M., Faliu, B., Mansour, Z., & Chauvin, F. (2022). Interaction between science advice and policymaking in time of Covid-19: A French perspective. *European Journal of Public Health*, 32(3), 1–6. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac008>
23. Camporesi, S., Angeli, F., & Fabbro, G. D. (2022). Mobilization of expert knowledge and advice for the management of the Covid-19 emergency in Italy in 2020. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1). <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01042-6>
24. Carrier, M. (2022). What does good science-based advice to politics look like? *Journal for General Philosophy of Science*, 53, 5–21. <https://doi.org/10.1007/s10838-021-09574-2>
25. Christensen, T., & Læg Reid, P. (2022). Scientization under pressure – the problematic role of expert bodies during the handling of the COVID-19 pandemic. *Public Organization Review*, 22, 291–307. <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00605-0>
26. Cooper, J., Dimitrou, N., & Arandjelovic, O. (2021). How good is the science that informs government policy? A lesson from the U.K.’s response to 2020 CoV-2 outbreak. *Journal of Bioethical Inquiry*, 18, 561–568. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10130-2>
27. De Caro, M., & Macarthur, M. (2010). Introduction: Science, naturalism, and the problem of normativity. In M. de Caro, & M. Macarthur (Eds.), *Naturalism and normativity* (pp. 1–19). New York: Columbia University Press.
28. Eichengreen, B., Aksoy, C. G., & Saka, O. (2021). Revenge of the experts: Will COVID-19 renew or diminish public trust in science? *Journal of Public Economics*, 193. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104343>
29. Esmark, A. (2021). How does crisis affect the conflict between technocracy and populism? Lessons from the COVID-19 pandemic. *Politics*. <https://doi.org/10.1177/02633957211049965>
30. Gesser-Edelsburg, A., Zemach, M., & Hijazi, R. (2021). Who are the “real” experts? The debate surrounding COVID-19 health risk management: An Israeli case study. *Risk Management and Healthcare Policy*, 14, 2553–2569. <https://doi.org/10.2147/RMHP.S311334>

31. Goldman, A.I. (2001). Experts: Which ones should you trust? *Philosophy and Phenomenological Research*, 63(1), 85–110. <https://doi.org/10.2307/3071090>
32. Ho, A. (2011). Trusting experts and epistemic humility in disability. *The International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*, 4(2), 102–123. <https://doi.org/10.3138/ijfab.4.2.102>
33. Hofstadter, R. (1964). The paranoid style in American politics. *Harper's Magazine*, 11, 77–86.
34. Jasanoff, Sh. (2005). Judgment under siege: The three-body problem of expert legitimacy. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 209–224). Dordrecht: Springer.
35. Kennedy, R.F. (2021). *The real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the global war on democracy and public health*. Delaware: Skyhorse Publishing.
36. Kienhues, D., Jucks, R., & Bromme, R. (2020). Sealing the gateways for post-truthism: Reestablishing the epistemic authority of science. *Educational Psychologist*, 55(3), 144–154.
37. Krick, E. (2015). Negotiated expertise in policy-making. How governments use hybrid advisory committees. *Science and Public Policy*, 42(4), 487–500. <https://doi.org/10.1093/SCIPOL/SCU069>
38. Lasco, G. (2020). Medical populism and the Covid-19 pandemic. *Global Public Health*, 15(10), 1417–1429. <https://doi.org/10.1080/17441692.2020.1807581>
39. Lavazza, A., & Farina, M. (2020). The role of experts in the Covid-19 pandemic and the limits of their epistemic authority in democracy. *Frontiers in Public Health*, (8). <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00356>
40. Maasen, S., & Weingart, P. (2005). What's new in scientific advice to politics? Introductory essay. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 1–19). Dordrecht: Springer.
41. Marston, C., Renedo, A., & Miles, S. (2020). Community participation is crucial in the pandemic. *Lancet*, 395(10238), 1676–1678. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31054-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31054-0)
42. Mazzochi, F. (2021). Drawing lessons from the COVID-19 pandemic: Science and epistemic humility should go together. *History and Philosophy of the Life Sciences*, 43(3). <https://doi.org/10.1007/s40656-021-00449-9>
43. Nadareishvili, I., Zhulina, A., Tskitishvili, A., Togonidze, G., Bloom, D.E., & Lunze, K. (2022). The approach to the COVID-19 pandemic in Georgia: A health policy analysis. *International Journal of Public Health*, 67. <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1604410>
44. Pierre, J. (2020). Nudges against pandemics. Sweden's COVID-19 containment strategy in perspective. *Policy and Society*, 39(3), 478–493. <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1783787>
45. Pietrini, P., Lavazza, A., & Farini, M. (2022). COVID-19 and biomedical experts: When epistemic authority is (probably) not enough. *Journal of Bioethical Inquiry*, 19(1), 135–142. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10157-5>
46. Pyszczynski, T., Lockett, M., Greenberg, J., & Solomon, S. (2020). Terror management theory and the Covid-19 pandemic. *Journal of Humanistic Psychology*, 61(2), 173–189. <https://doi.org/10.1177/0022167820959488>

47. Rajan, D., & Koch, K. (2020). The health democracy deficit and COVID-19. *Eurohealth*, 26(3), 26–28. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/338949>

48. Simon, H. A. (1957). *Administrative behavior: A study of decision-making processes in administrative organization*. New York: Macmillan.

49. Xin, Zh., Janfeng, W., Smith, L.M., Xin, L., Yancey, O., Franzblau, A., Dvonch, J.T., Chaunwu, X., & Neitzel, R. (2022). Monitoring SARS-CoV-2 in air and on surfaces and estimating infection risk in buildings and buses on a university campus. *Journal of Exposure Science and Environmental Epidemiology*, 32, 751–758. <https://doi.org/10.1038/s41370-022-00442-9>

References

1. Ahlstrom-Vij, K. (2013). *Epistemic paternalism. A defence*. London: Palgrave Macmillan.

2. Atlani-Duault, L., Chauvin, F., Bruno, L., Banamouzig, D., Bouadma, L., Druais, P.L., Hoang, A., Grard, M.-A., Malvy, D., & Delfraissy, J. (2020). France's COVID-19 response: balancing conflicting public health traditions. *Lancet*, 396(10246), 219–221. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31599-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31599-3)

3. Badora-Musiał, K., & Dusza, D. (2020). Politycy i eksperci – Polska i USA w obliczu pandemii COVID – 1. *Medycyna Zdrowie Publiczne i Zarządzanie*, 18(3), 202–221. <https://doi.org/10.4467/20842627OZ.20.022.14139/>

4. Bækgaard, M., Blom-Hansen, J., & Serritszlev, S. (2020). How politicians see their relationship with top bureaucrats: Revisiting classical images. *Governance*, 35(1), 5–24. <https://doi.org/10.1111/gove.12558>

5. Barkun, M.A. (2013). *Culture of conspiracy: Apocalyptic visions in contemporary America*. Los Angeles: University of California Press.

6. Beck, U. (1992). *Risk society. Towards a new modernity*. London: Sage.

7. Beck, U., Giddens, A., & Lash, S. (1994). *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford: Stanford University Press.

8. Bєspalova, A.A., & Vyalyh, N.A. (2022). Doverie k nauke i sisteme zdravoochraneniya v period pandemii COVID-19: vzaimosvyaz' i novye vyzovy [Trust in science and the health system during the COVID-19 pandemic: Interconnections and new challenges]. In M. Yu. Surmach (Ed.), *Istoricheskie osnovy professional'noj kul'tury v zdravoochranenii: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 19–23). Grodno: GrGMU.

9. Boswell, C. (2009). Knowledge, legitimation and the politics of risk: The functions of research in public debates on migration. *Political Studies*, 57(1), 165–186. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00729.x>

10. Brocard, E., Melihan-Cheinin, P., & Rusch, E. (2021). Health democracy in the time of COVID-19: A Perspective from France. *Lancet*, 6(4). [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(21\)00053-0](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(21)00053-0)

11. Brooks-Pollock, E., Danon, L., Jombart, T., & Pellis, L. (2021). Modelling that shaped the early COVID-19 pandemic response in the UK. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Biological sciences*, 376(1829), 1–8. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0001>

12. Bruat, C., Monnet, E., Azanowsky, J.-M., Faliu, B., Mansour, Z., & Chauvin, F. (2022). Interaction between science advice and policymaking in time of Covid-19: A French perspective. *European Journal of Public Health*, 32(3), 1–6. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac008>
13. Camporesi, S., Angeli, F., & Fabbro, G.D. (2022). Mobilization of expert knowledge and advice for the management of the Covid-19 emergency in Italy in 2020. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1). <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01042-6>
14. Carrier, M. (2022). What does good science-based advice to politics look like? *Journal for General Philosophy of Science*, 53, 5–21. <https://doi.org/10.1007/s10838-021-09574-2>
15. Christensen, T., & Læg Reid, P. (2022). Scientization under pressure – the problematic role of expert bodies during the handling of the COVID-19 pandemic. *Public Organization Review*, 22, 291–307. <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00605-0>
16. Cooper, J., Dimitrou, N., & Arandjelovic, O. (2021). How good is the science that informs government policy? A lesson from the U.K.'s response to 2020 CoV-2 outbreak. *Journal of Bioethical Inquiry*, 18, 561–568. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10130-2>
17. De Caro, M., & Macarthur, M. (2010). Introduction: Science, naturalism, and the problem of normativity. In M. de Caro, & M. Macarthur (Eds.), *Naturalism and normativity* (pp. 1–19). New York: Columbia University Press.
18. Dyakova, E.G. (2019). “Chestnaya sbalansirovannost” ili samostoyatel’nost’: problematizatsiya diskursa soveshchatel’no-konsul’tativnyh organov v otechestvennoj i amerikanskoj administrativnyh traditsiyah. [“Fairly balanced” or independent: Problematization of the discourse on consultative bodies in the Russian and American administrative traditions]. *Tomsk State University Journal*, (438), 97–107. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/13>
19. Dyakova, E.G., & Trahtenberg, A.D. (2019). Rol’ soveshchatel’no-konsul’tativnyh organov v bor’be s korrupciej: amerikanskaya i rossijskaya administrativnye tradicii [Role of advisory bodies in fight against corruption: American and Russian administrative traditions]. In V.N. Rudenko (Ed.), *Aktual’nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii* (pp. 689–705). Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN.
20. Eichengreen, B., Aksoy, C.G., & Saka, O. (2021). Revenge of the experts: Will COVID-19 renew or diminish public trust in science? *Journal of Public Economics*, 193. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104343>
21. Esmark, A. (2021). How does crisis affect the conflict between technocracy and populism? Lessons from the COVID-19 pandemic. *Politics*. <https://doi.org/10.1177/02633957211049965>
22. Fedotova, G.V. (2021). Pandemiya COVID-19 v 2021 godu: problemy doveriya [COVID-19 pandemic in 2021: Trust issues]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 111–125. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2021.4.9>
23. Gesser-Edelsburg, A., Zemach, M., & Hijazi, R. (2021). Who are the “real” experts? The debate surrounding COVID-19 health risk management: An Israeli case study. *Risk Management and Healthcare Policy*, 14, 2553–2569. <https://doi.org/10.2147/RMHP.S311334>

24. Goldman, A.I. (2001). Experts: Which ones should you trust? *Philosophy and Phenomenological Research*, 63(1), 85–110. <https://doi.org/10.2307/3071090>
25. Ho, A. (2011). Trusting experts and epistemic humility in disability. *The International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*, 4(2), 102–123. <https://doi.org/10.3138/ijfab.4.2.102>
26. Hofstadter, R. (1964). The paranoid style in American politics. *Harper's Magazine*, 11, 77–86.
27. Jasanoff, Sh. (2005). Judgment under siege: The three-body problem of expert legitimacy. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 209–224). Dordrecht: Springer.
28. Kennedy, R.F. (2021). *The real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the global war on democracy and public health*. Delaware: Skyhorse Publishing.
29. Kienhues, D., Jucks, R., & Bromme, R. (2020). Sealing the gateways for post-truthism: Reestablishing the epistemic authority of science. *Educational Psychologist*, 55(3), 144–154.
30. Kormina, J. (2015). Drozhzhi-ubijcy: gastronomicheskaya konspirologiya i kul'tura nedoveriya v sovremennoj Rossii [Killer yeast: The gastronomic conspiracy and culture of distrust in contemporary Russia]. *Antropologicheskij forum*, (27), 149–175.
31. Krick, E. (2015). Negotiated expertise in policy-making. How governments use hybrid advisory committees. *Science and Public Policy*, 42(4), 487–500. <https://doi.org/10.1093/SCIPOL/SCU069>
32. Lasco, G. (2020). Medical populism and the Covid-19 pandemic. *Global Public Health*, 15(10), 1417–1429. <https://doi.org/10.1080/17441692.2020.1807581>
33. Lavazza, A., & Farina, M. (2020). The role of experts in the Covid-19 pandemic and the limits of their epistemic authority in democracy. *Frontiers in Public Health*, (8). <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00356>
34. Łukasik-Turecka, A. (2021). Medicinskie eksperty kak novye uchastniki politicheskoy kommunikacii v Evrope vo vremena pandemii COVID-19 na primere Pol'shi i Latvii [Medical experts as new actors of political communication in Europe in the era of the COVID-19 pandemic. Poland and Latvia as a case study]. *Wshodni Rocznik Humanistyczny*, 18(4), 123–132. <https://doi.org/10.36121/atureka.18.2021.4.123>
35. Maasen, S., & Weingart, P. (2005). What's new in scientific advice to politics? Introductory essay. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 1–19). Dordrecht: Springer.
36. Makusheva, M.O., & Nestik, T.A. (2020). Social'no-psihologicheskie predposylki i efekty doveriya social'nym institutam v usloviyah pandemii [Sociopsychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'nye peremeny*, (6), 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>
37. Marston, C., Renedo, A., & Miles, S. (2020). Community participation is crucial in the pandemic. *Lancet*, 395(10238), 1676–1678. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31054-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31054-0)
38. Mazzochi, F. (2021). Drawing lessons from the COVID-19 pandemic:

Science and epistemic humility should go together. *History and Philosophy of the Life Sciences*, 43(3). <https://doi.org/10.1007/s40656-021-00449-9>

39. Nadareishvili, I., Zhulina, A., Tskitishvili, A., Togonidze, G., Bloom, D. E., & Lunze, K. (2022). The approach to the COVID-19 pandemic in Georgia: A health policy analysis. *International Journal of Public Health*, 67. <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1604410>

40. Pierre, J. (2020). Nudges against pandemics. Sweden's COVID-19 containment strategy in perspective. *Policy and Society*, 39(3), 478–493. <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1783787>

41. Pietrini, P., Lavazza, A., & Farini, M. (2022). COVID-19 and biomedical experts: When epistemic authority is (probably) not enough. *Journal of Bioethical Inquiry*, 19(1), 135–142. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10157-5>

42. Pyszczynski, T., Lockett, M., Greenberg, J., & Solomon, S. (2020). Terror management theory and the Covid-19 pandemic. *Journal of Humanistic Psychology*, 61(2), 173–189. <https://doi.org/10.1177/0022167820959488>

43. Rajan, D., & Koch, K. (2020). The health democracy deficit and COVID-19. *Eurohealth*, 26(3), 26–28. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/338949>

44. Simon, H. A. (1957). *Administrative behavior: A study of decision-making processes in administrative organization*. New York: Macmillan.

45. Sungurov, A. Yu. (2016). *Ekspertnoe soobshchestvo i vlast'* [Expert community and power]. Saint Petersburg: Alejtejya.

46. Sungurov, A. Yu. (2018). E'kspertnoe soobshchestvo i vlast': Modeli vzaimodejstviya i problemy grazhdanskoj otvetstvennosti [Expert community and power: Models of interaction and problems of civil responsibility]. *Polis*, (4), 130–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>

47. Sungurov, A. Yu., & Karyagin, M. E. (2017). Rossijskoe ekspertnoe soobshchestvo i vlast': osnovnye formy vzaimodejstviya [Russian expert community and authorities: Main forms of interaction]. *Polis*, (3), 144–159. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>

48. Sungurov, A. Yu., & Shamshura, K. A. (2020). Politicheskaya nauka i ekspertnoe znanie: razvitie v sovremennoj Rossii [Political science and expert knowledge: Development in modern Russia]. *Politicheskaya nauka*, (1), 64–86. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>

49. Xin, Zh., Janfeng, W., Smith, L. M., Xin, L., Yancey, O., Franzblau, A., Dvonch, J. T., Chaunwu, X., & Neitzel, R. (2022). Monitoring SARS-CoV-2 in air and on surfaces and estimating infection risk in buildings and buses on a university campus. *Journal of Exposure Science and Environmental Epidemiology*, 32, 751–758. <https://doi.org/10.1038/s41370-022-00442-9>

Информация об авторах

Елена Григорьевна Дьякова, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6258-0456>, e-mail: falcon343@bk.ru

Анна Давидовна Трахтенберг, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3530-9361>, e-mail: cskiit@yandex.ru

Information about the authors

Elena Grigoryevna Dyakova, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6258-0456>, e-mail: falcon343@bk.ru

Anna Davidovna Trakhtenberg, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3530-9361>, e-mail: cskiit@yandex.ru